

М.А. Фельдман

**ИЮньСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б) 1936 г.: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ**

***Аннотация.** Пленум ЦК ВКП (б), прошедший 1–4 июня 1936 г., имел многоцелевое назначение. Он должен был показать дальнейшее сплочение политической и экономической элит вокруг фигуры секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина на основе проекта Конституции СССР. Поддержка участниками Пленума утверждений Сталина о победе социалистического способа производства, достигнутой в экономической сфере, и об успешном соединении в один народ всех слоев советского общества означала бы их полное согласие с господством мифологических конструкций социализма в одной стране.*

В статье впервые на основе материалов стенограммы Пленума раскрывается подлинный ход событий на нем. Члены ЦК партии ничего не имели против проекта Конституции как мощного пропагандистского документа, однако они были вынуждены обратиться к реальной ситуации в своих регионах и отраслях, за которые непосредственно отвечали. Конфликт представлений – утопических о социализме в СССР и реалистических о действительности – не был прямым, но совокупность критических оценок вступала в осязательное противоречие с той величественной картиной, которая создавалась Конституцией, объявлявшейся самой демократической в мире.

***Ключевые слова:** Пленум; ВКП(б); пятилетний план (пятилетка); плановая экономика; индустриализация; мифология; идеология; И.В. Сталин; СССР.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала Академии народного хозяйства и государственной службы. Россия, Екатеринбург.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Autor ID: 36349821300

Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

M.A. Feldman

The June 1936 Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): the External and Internal Aspects of a Historical Event

Abstract. *The Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (June 1–4, 1936) served multiple purposes. It was intended to demonstrate the further consolidation of the political and economic elites around the General Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), J.V. Stalin, on the basis of the draft Constitution of the USSR. The Plenum participants' endorsement of Stalin's claims regarding the "victory of the socialist mode of production in the economy" and the "successful process of bringing all segments of Soviet society closer together into a single people" would have signified their complete agreement with the dominance of the mythological constructs of socialism in one country.*

The article reveals for the first time the true course of events at the Plenum. While the members of the Central Committee had no objections to the draft Constitution as a powerful propaganda document, they were compelled to address the real situation in their regions and sectors, for which they were directly responsible. The conflict between utopian ideas about socialism in the USSR and realistic assessments of reality was not direct; however, the cumulative weight of critical assessments stood in stark contrast to the "majestic image of the world's most democratic Constitution".

Keywords: *plenum; All-Union Communist Party (Bolsheviks); five-year plan; planned economy; industrialization; mythology; ideology; J.V. Stalin; USSR.*

Feldman Mikhail Arkad'evich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies at the Ural Institute of Management is a Branch of presidential the Academy of National Economy and Public Administration. Russia, Ekaterinburg.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Scopus Autor ID: 36349821300

Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Введение

Материалы Пленума ЦК ВКП (б) 1–4 июня 1936 г. (далее – Пленум) не пользовались вниманием историков, и это было неслучайно. Повестка Пленума включала изложение проекта Конституции и доклады об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках, носившие дежурный характер и повторяющиеся практически ежегодно. Эти материалы казались малозначительными на фоне драматических событий 1936 г.

Основательные исследования периода второй половины 1930-х годов (например: [Верт 2010; Хлевнюк 2010; Сорокин 2023]) обошли стороной работу Пленума. Замечание же французского историка-советолога Н. Верта («накану-

не пленума... стало очевидно, что наступление на кадровых работников в том виде, как оно проходило, не просто малоэффективно, а грозить существованию всей системы» [Верт 1992, с. 215]) выражает, скорее всего, попытку связать произошедшее на Пленуме с последующими событиями 1937 г., без аналитического разбора фактов и разъяснения, что же следует понимать под угрозой «всей системе».

В статье Ю.Н. Жукова «Репрессии и Конституция СССР 1936 г.» сообщается, что хотя на Пленуме, «все члены ЦК единогласно проголосовали за проект Конституции... никто не выступил открыто в ее поддержку, пропагандируя достоинства демократии и парламентаризма по-советски» [Жуков 2002, с. 10]. Удивляться необходимо только отсутствию знакомства Жукова со стенограммой Пленума, где сообщается, что прения не открывались. Каким образом подобное поведение членов ЦК ВКП (б) Жуков квалифицирует как «неожиданное и бесславное поражение» секретаря ЦК партии (в 1934–1953 гг.) И.В. Сталина, вынужденного «смириться с волей партократии, оказавшейся сильнее» [там же, с. 14] и как победу участников Пленума, остается только гадать. Едва ли о победе партийно-государственной элиты говорит пассаж в этой же статье: после Пленума, в летние месяцы 1936 г. под арестом оказались многие работники промышленных народных комиссариатов, командиры Красной Армии, партийные работники. С учетом того, что практически все арестованные принадлежали к числу профессиональных революционеров и активных участников Гражданской войны, смысл сталинского «сигнала» был очевиден. Жуков, адресуя его конкретному списку управленцев, расшифровывает этот «сигнал» следующим образом: «Все они оказались своеобразными заложниками» [там же, с. 13].

Почему после запуска широкомасштабного обсуждения проекта Конституции в обществе (разумеется, под бдительным контролем Народного комиссариата внутренних дел) [Великанова 2021, с. 136–137] на Пленуме дело ограничилось только заслушиванием текста документа?

Для ответа на этот вопрос необходимо: обратиться к изучению роли Пленумов ЦК как института политической жизни советского общества; дать оценку социально-экономической жизни страны к июню 1936 г.; проанализировать ход работы Пленума; понять, почему и для чего принималась новая Конституция.

Предыстория Пленума

События Пленума можно оценить только в контексте исторического процесса советской истории после-нэповского периода 1930–1936 гг. После победы И.В. Сталина и его сторонников, состоявшейся на Пленуме ЦК ВКП (б) в апреле 1929 г., в декабре 1930 г. Пленум ЦК партии прошел под знаком осмысления кризисной ситуации в стране, сложившейся в ходе «Великого

перелома» (см. подробнее: [Зеленов, Фельдман 2025]). При этом Сталин – инициатор «Великого перелома» – официально на Пленуме оказался вне критики. Тем не менее критика «Великого перелома» на Пленуме прозвучала в приглушенном, фрагментарном виде. Совокупность критических замечаний в выступлениях докладчиков и принявших участие в прениях воспроизводила картину кризисного состояния экономики СССР осени 1929–1930 гг. Эта критика фактически была усилена выступлением Н.И. Бухарина, призывавшего к приоритету выполнения качественных показателей и необходимости внедрения подлинного хозрасчета. Но именно это же «правые» отстаивали на Пленумах ЦК партии в 1928–1929 гг. [там же, с. 431–432]. На основе этой критики среди членов Политбюро ЦК и лично у Сталина, по определению крупнейшего зарубежного специалиста по истории первых пятилеток Р. Дэвиса, сформировалось понимание необходимости более рационального курса – неонэпа [Davies 1996, p. 65, 67]. Хотя Сталина нельзя назвать инициатором нового (и более рационального) экономического курса, поддержка им мероприятий такого курса подразумевала начало реальных изменений экономической политики.

С этого времени на Пленумах ЦК ВКП (б) прослеживается следующая картина: участники Пленумов, поддерживая сталинские инициативы и идеологические доктрины, вместе с тем давали критическую оценку положения в экономике в подведомственных им отраслях или регионах, кардинально отличавшуюся от идеологизированных оценок состояния «социалистического народного хозяйства». Характерен пример Пленума ЦК в январе 1933 г., подводившего итоги первой пятилетки. Вновь, смысл критических замечаний в выступлениях докладчиков фактически заключался в осуждении методов «Великого перелома». Материалы этого январского Пленума ЦК партии показали, что «признание пагубности курса “бешеных темпов” пришло к представителям руководства СССР. Но осмысление событий первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа “создания фундамента социалистической экономики”» [Фельдман 2021, с. 83].

Параллельно с работой Пленумов в 1931–1936 гг. шла работа Всесоюзных совещаний хозяйственников. Их «феномен... заключался в том, что внутри авторитарного режима и командно-административной экономики развивалось, на первый взгляд, “иностранное тело”, своеобразная дискуссионная трибуна» [Фельдман 2025, с. 360]. Это, однако, не было случайно: сформировавшаяся «на рубеже 1920–1930-х годов “социалистическая” плановая экономика была во многом только оболочкой реальных товарно-денежных отношений», а «в такой ситуации диалог реалистов и утопистов, в формате общения хозяйственной и политической элит... фиксировал нарастающую степень прозрения хозяйственников и части политического руководства Советского государства в отноше-

нии многих мифов официальной пропаганды» и отражал «глубину расхождения подходов к осуществлению экономической политики» [Фельдман 2025, с. 360].

Первое полугодие 1936 г. стало временем краха надежд на универсальность и возможность повсеместного применения стахановских методов труда [Совет при Народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 1936, с. 62, 71, 82, 104, 187]. Крах надежд Сталина на новый экономический скачок с помощью стахановского движения в 1936 г. резко обострил указанное несовпадение. Кризисные явления сильнее всего поразили именно ту отрасль, где соблюдение основ техники безопасности значило более всего – угольную промышленность. За первые 6 месяцев «стахановского» 1936 г. производство угля сократилось с 359 тыс. т в день в декабре 1935 г. до 320 тыс. т в июне 1936 г. Аналогичные явления зафиксированы и в других отраслях [Дэвис 1996, с. 321, 324]. Виновники этого краха, по мнению Сталина, находились в рядах управленческого корпуса, на всех уровнях партийного государственного и хозяйственного управления.

Принятие новой советской Конституции: многоцелевой замысел

Принятие новой советской Конституции, по сталинскому замыслу, имело многоцелевой характер. В области внешнеполитической предполагалось добиться создания у ряда либеральных представителей западной общественности представления о радикальном изменении советской политической системы и переходе от диктатуры революционного периода к демократии западного типа, а также внедрить мнение о рецепции в СССР западной трактовки прав человека и полноценных институтов парламентаризма и конституционализма [Медушевский 2016а, с. 124, 125]. Наряду с этим вступление СССР в Лигу Наций в 1934 г. и переход Коминтерна к тактике антифашистского фронта в 1935 г. потребовали смягчить и поднять имидж СССР перед мировым сообществом. Такой шаг расширял бы возможности для системы коллективной безопасности в Европе, заложенные франко-советским пактом о взаимопомощи 1935 г.

В области внутривнутриполитической всенародное обсуждение Конституции должно было не только продемонстрировать лояльность населения режиму, но и искусственно стимулировать общественный подъем через массовые акции и собрания и обеспечить мобилизационные цели и рост производительности труда. В области теоретической Конституция должна была продолжить и расширить потенциал идеологических конструкций первой половины 1930-х годов (например, построение основ социалистической экономики и утверждение основ социализма). В области внутрипартийной проведенный в феврале 1934 г. XVII съезд ВКП (б) показал И.В. Сталину, что доверие ему со стороны значительной части партийно-хозяйственной элиты не безгранично. Ответственность за голод начала 1930-х годов, высокую смертность населения пар-

тийные и советские работники на местах не желали брать только на себя. Это означало, что обычные общепартийные «чистки» при всем своем многообразии уже не были способны обеспечить абсолютную лояльность управленцев вождю (см. подробнее: [Красильников 2020]).

В такой ситуации был созван в начале июня 1936 г. Пленум ЦК ВКП (б). В повестке дня Пленума содержались три вопроса: «Конституция СССР»; «Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках»; «Текущие дела».

Первый вопрос: «Конституция СССР»

Пленум открывался докладом И.В. Сталина о Конституции СССР [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 3–14], в котором он сообщил о выполнении решения Пленума ЦК партии от 1 февраля 1935 г. об изменении Конституции СССР для дальнейшей «демократизации».

Доклад со ссылкой на работу Конституционной комиссии для выработки исправленного текста Конституции только информировал присутствующих о грядущих изменениях в Конституции СССР. Показательно, что после доклада прения не открывались [там же, л. 9 об.]. Сомнения могли возникнуть только при оглашении сталинских утверждений об уже достигнутой «победе социалистического способа производства в экономике» и «успешном процессе сближения всех слоев советского общества в единый народ» [там же, л. 8]. Но оба утверждения уже прочно вошли в арсенал советской пропаганды, а обсуждение положений пропагандистских лозунгов в середине 1930-х годов не допускалось. Более того Конституция СССР рассматривалась как образец для всех зарубежных коммунистических партий и рабочего класса стран капитализма [там же, л. 9 об.].

Между тем ряд утверждений Сталина носил довольно спорный характер: о наличии в СССР самой передовой промышленности и особенно «самого крупного в мире, механизированного, вооруженного новой техникой, сельского хозяйства в виде системы колхозов и совхозов» [там же, л. 4 об. – 5]; о появлении в стране принципиально новых классов – «рабочего класса СССР, владеющего орудиями средствами производства и направляющего советское общество по пути к коммунизму» [там же, л. 6] и «современного советского крестьянства, базирующего свою работу коллективной собственности, на коллективном труде и современной технике» [там же, л. 6 об.]. Формирование «совершенно новой советской интеллигенции, на 80% состоящей из рабочих и крестьян» [там же], по мнению Сталина, позволяло говорить о стирании различий между классами и рождении «социальных слоев единого советского общества» [там же]. Как видно, тенденции к переменам в социальной структуре были представлены Сталиным как их результаты. Неслучайно критика состояния механизации и технического уровня сельского хозяйства, качества

промышленной продукции и уровня квалификации рабочих кадров будет проходить через все последующие годы существования СССР.

Далее, по утверждению Сталина, «громадные сдвиги к социализму» предполагали принятие соответствующей им Конституции, закрепляющей «завершение переходного этапа от капитализма к социализму» [там же, л. 7–7 об.]. Сравнивая Конституцию СССР 1924 г. и предлагаемый вариант Конституции СССР 1936 г., Сталин произнес фразу, не звучавшую в такой редакции в первой половине 1930-х годов, – о сохранении в СССР в данный момент «последнего этапа НЭПа» [там же, л. 7 об.]. Переходный период – от Конституции СССР 1924 г., принятой в стране с отсталой экономикой и разнородным обществом, времени первого этапа НЭПа, с точки зрения Сталина, подходил к завершению. В июне 1936 г. еще трудно было говорить об итогах второй пятилетки, но сталинский вывод о создании в СССР «передовой» экономики уже прозвучал.

Исходя из тезисов сталинского доклада, Конституционная комиссия, по словам Сталина, сочла возможным предложить преобразовать Советы рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов в Советы депутатов трудящихся. В стране предполагалось введение всеобщего избирательного права [там же, л. 8]. «Самый демократический в мире текст Конституции» [там же] должен был стать примером для трудящихся всего мира. Единогласное одобрение сталинского доклада было предопределено: документ действительно вносил ряд демократических перемен.

Излагая основные положения Конституции, Сталин не употреблял слова «проект»: формирование в СССР партийно-государственной управленческой конструкции, а также бюрократической, стратифицированной номенклатуры обусловило появление особого статуса не только самого Сталина, но и аппарата ЦК и Пленума ЦК ВКП (б) как институтов управления политической системы. Утверждения фактического руководителя партии, произнесенные на Пленуме, на практике становились окончательными партийно-государственными решениями. Однако в соответствии с законодательством необходимо было утверждение Конституции СССР на общесоюзном съезде Советов. Отсюда, завершая свой доклад, Сталин определил сроки и этапы дальнейшего продвижения проекта Конституции СССР: в июне 1936 г. – обсуждение Президиумом Центрального исполнительного комитета СССР; в ноябре – на общесоюзном съезде Советов [там же, л. 9 об.].

Резолюция Пленума по проекту Конституции была лаконична. Проект подлежал одобрению и передаче на рассмотрение Всесоюзному съезду Советов [там же, л. 45]. Принятый на Пленуме, проект Конституции 1936 г. представлял собой действительно демократический по содержанию документ. Однако Конституция 1936 г. справедливо называлась Сталинской: разработанная Конституционной комиссией, члены которой были подобраны Сталиным, а вся работа тщательно контролировалась им [Великанова 2021, с. 44–45]; принятая

на Пленуме без какого-либо обсуждения Конституция каждой своей строкой служила восхвалению СССР и его вождя. Создавалось впечатление, что Пленум выступал собранием послушных марионеток, но его стенограмма опровергает это утверждение.

Величественный вариант Конституции СССР удивительным образом соседствовал с привычным обсуждением на Пленуме проблем экономического характера. Рассмотрим выступления участников Пленума, последовавшие за сталинским докладом.

Вопрос второй: «Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках»

Выступление народного комиссара земледелия СССР М.А. Чернова [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 10–14] «О ходе уборки урожая и сельскохозяйственных закупках» обращало на себя внимание оптимистичным началом: «колхозный строй родит и пробуждает подлинные таланты в борьбе за высокие урожаи», появились «десятки тысяч колхозов, сотни тысяч звеньев, миллионов колхозников, включившихся в борьбу на получение с гектара 50 центнеров пшеницы, 500 центнеров свеклы, 30 центнеров хлопка, тонны льна», а «борьба за получение высоких урожаев стала поистине народной борьбой», «социалистическое соревнование – мощно развернулось в деревне» [там же, л. 10–10 об.].

Далее выступление М.А. Чернова имело мало общего с вышеизложенным. Очистка уже собранного зерна была охарактеризована им как «слабое звено сельского хозяйства», а зерноочистительный инвентарь как «малопроизводительный и непригодный для колхозного хозяйства» [там же, л. 11]. Отсутствие удобрений слабо компенсировалось завозом на поля «175 тыс. тонн навозной жижи и 80 тыс. тонн птичьего помета» [там же]. Признав неудовлетворительным использование тракторов Челябинского тракторного завода в колхозах и совхозах, народный комиссар указал на недостаточную квалификацию трактористов.

Удивительным образом сочетались сообщение о выполнении установленных свыше постановлениями ЦК и Совета народных комиссаров СССР сроков посевов и констатация снижения урожаев ряда зерновых культур («в последние годы урожай проса и кукурузы опустился до ничтожных размеров» [там же, л. 12]). Еще более разительной была фраза о том, что только 8% зерновых посевов в СССР в 1935 г. обрабатывались комбайнами [там же].

Важная информация заключалась в заявлении народного комиссара: плановые задания с 1 га на 1936 г. должны были составить 10,2 ц пшеницы, 20,4 ц свеклы, 11,3 ц хлопка [там же, л. 14]. Как видно, плановые показатели на 1936 г. существенно – в 3–25 раз – отличались от декларированных, желаемых, за которые шла всенародная борьба.

На втором заседании утром 2 июня выступление народного комиссара совхозов М.И. Калмановича [там же, л. 14–16] проходило по той же схеме: оп-

тимистичное начало, а затем указания на слишком короткое время плановых сроков сева, затрудняющее работу совхозов, и существенное расширение площади посевов зерновых, требующее увеличения парка сельскохозяйственной техники. Отсутствие механизации прополочных работ требовало привлечения большого количества рабочих рук, и это должно было стать предметом заботы местных партийных и советских органов. Всё это вместе и обусловило невысокую урожайность зерновых в совхозах: 7,3 ц с га вместо 9,2 ц по плану.

Умело подобранным сочетанием успехов и критических оценок, отличался и доклад народного комиссара пищевой промышленности А.И. Микояна [там же, л. 16–19]. Ссылки на высказывания И.В. Сталина придавали выступлению характер идеологически выверенного сообщения. Микоян не приводил данных о выполнении плановых заданий предприятий народного комиссариата в 1935 г., но гарантировал их «более лучшее выполнение в 1936 г.» [там же, л. 19]. Ряд подотраслей (переработка картофеля, производство подсолнечного масла и др.) выводился за пределы критики в силу их запущенного состояния и низкого уровня механизации. Наиболее отсталым сектором сельского хозяйства называлось виноградарство, однако в данном случае вся вина возлагалась на прежних владельцев виноградников – помещиков и кулачество.

Критическим стало и выступление председателя Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при Совете народных комиссаров СССР И.М. Клейнера [там же, л. 19 об. – 22], охарактеризовавшего состояние зерно- и овощехранилищ. Коснувшись проблемы значительных потерь продукции сельского хозяйства при хранении и перевозках, докладчик отметил: «Даже в Москве, где дело хранения овощей и картофеля (было) поставлено лучше, потери составляли 15% заготовок» [там же, л. 20 об.]. Однако попытка Клейнера возложить ответственность за подобное явление на региональных руководителей вызвала неодобрение в ряде последующих выступлений.

Третье заседание вечером 2 июня открывалось выступлением первого секретаря Калининского областного комитета партии М.Е. Михайлова [там же, л. 22 об. – 23]. Тема трудностей в сельском хозяйстве была продолжена. Невысокий уровень механизации сельскохозяйственных работ – только 5% пашенных земель Калининской области в 1934 г. и 10% в 1935 г. были обработаны тракторами – сочетался со слабой профессиональной подготовкой механизаторов (из 10 тыс. трактористов 6 тыс. человек работали первый год). Новые машинно-тракторные станции оказывались без необходимого комплекта техники. Как отметил Михайлов, при крайне незначительной величине денежных выплат колхозникам на один трудодень – 1 руб. 29 коп. на руки, в реальности выдавалось только 50 коп. Наиболее запоминающимся стал пример сравнения урожая льна с 1 га в СССР (1,5 ц) и в Бельгии (около 10 ц).

Удивительное дело: лидеры областных партийных комитетов и высших хозяйственных ведомств только констатировали трудности и недостатки, но

не предлагали выхода из сложившегося положения. Речь первого секретаря Сталинградского областного комитета партии И.Е. Варейкиса [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 23 об. – 25], казалось, носит конструктивный характер, вводя конкретные предложения. Однако свое видение Варейкис изложил следующим образом: выполнение планов по росту валовых урожаев должно быть связано с ростом посевных площадей, т.е. с экстенсивным путем развития. Отметим, что речь Варейкиса, насыщенная жалобами на объективные трудности в процессе сельскохозяйственных закупок (погодные условия, состояние дорог и т.п.), прерывалась недовольными репликами Сталина.

Тем не менее кажущаяся простота решения зерновой проблемы – увеличение площади посевов – показалась привлекательной и была поддержана первым секретарем Западно-Сибирского краевого комитета партии Р.И. Эйхе, а затем и самим Сталиным [там же, л. 28].

Формально этот тезис содержался и в выступлении первого секретаря Казахстанского краевого комитета Л.И. Мирзояна [там же, л. 35 об. – 36 об.], однако в своеобразной форме, поскольку, по его словам, руководство крайкома протестовало против расширения посевных площадей ввиду повсеместной нехватки парка сельскохозяйственной техники, но «нам дали указание [,] и мы расширили площадь» [там же, л. 36 об.]. Однако дальнейшее предложение Мирзояна говорило о несогласии с позицией центра: освоение новых распаханых земель могло начаться только с прибытием достаточного количества техники. Саркастически (о сроках освоения новых распаханых земель) звучали слова регионального руководителя: «И когда украинцы нам дадут 20–30 тыс. хозяйств, и мы их устроим...» [там же].

Первый секретарь ЦК КП (б) Украины С.В. Косиор подчеркнул: стремительный рост парка комбайнов в республике не закрывает остроту проблем с подготовкой комбайнеров. Но развития этой темы в тексте речи Косиора не последовало: украинский лидер, как и многие участники Пленума, ушел в детали технических проблем [там же, л. 25 об. – 27].

Первый секретарь Куйбышевского областного комитета ВКП (б) В.П. Шубриков [там же, л. 27–28] обратил внимание на связь низкого уровня организации работы технического парка сельскохозяйственной техники и значительно масштаба ручного труда на уборочных работах, вызвав недоуменный вопрос Сталина: «Что значит вручную?» Ответ Шубрикова не оставлял никаких иллюзий: «Это значит серпом и косой, тов. Сталин» [там же, л. 27].

Четвертое заседание Пленума утром 3 июня открылось выступлением первого секретаря ЦК КП (б) Узбекистана А.И. Икрамова [там же, л. 29–30]. Его речь была лишена прямого славословия в адрес Сталина: без упоминания о «ценности» сталинских указаний и напутствий по использованию тракторов не обошлось, но они носили разовый характер. Впечатляющим было другое – сообщение о своеобразном решении проблемы удобрений для хлопковых полей: ввиду отсутствия

минеральных удобрений в Узбекистане широко использовались «уличная пыль и навозная жижа» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 29 об.]. Для лучшего понимания руководящей роли партии в хлопководстве Икрамов с гордостью сообщил: «В Ферганском и Бухарском районах не осталось не (так в источнике. – М. Ф.) одной неочищенной уборной – все вывезено колхозниками на поля. Около больших городов колхозники закупают вывозимые ассенизационными обозами, так называемые нечистоты, и используют их для удобрения» [там же]. Едва ли эта информация свидетельствовала о передовых позициях советского сельского хозяйства.

Доиндустриальные методы ведения сельского хозяйства были характерны не только для Средней Азии. По сообщению первого секретаря Ивановского областного комитета партии И.П. Носова, в центре страны, в Ивановской области, «положение с механизацией (сельского хозяйства) исключительно тяжелое» [там же, л. 31 об.]. С помощью механизации в Ивановской области убиралось только 12% посевов свеклы и 3% картофеля.

Немногом лучше было положение в Азово-Черноморском крае, где, по оценке первого секретаря краевого комитета партии В.П. Шеболдаева, в 1935 г. с помощью комбайнов было убрано 19% площадей зерновых культур [там же, л. 32 об.].

По утверждению первого секретаря Свердловского областного комитета И.Д. Кабакова, низкий уровень механизации сельского хозяйства Свердловской области не позволял быстро и качественно проводить посевные и уборочные работы. Не только уборка льна, но и его переработка проводилась вручную – и это оборачивалось большими потерями [там же, л. 33–33 об.].

Однако только ли в уровне механизации посевных и уборочных работ заключалось дело? В выступлении первого секретаря Днепропетровского областного комитета М.М. Хатаевича [там же, л. 33 об. – 34] прозвучал отрицательный ответ. Насыщение деревни техникой шло в отрыве от темпов строительства современных хранилищ, подъездных путей, накопления обслуживающего автомобильного парка. Не менее важным стало замечание о затруднительности для региона, в рамках существующих инструкций, самостоятельно решать проблемы с лесоматериалами, например, для сооружения сети навесов вблизи полей. В коротком выступлении Хатаевича были обнажены изъяны системы государственного управления и названы барьеры на пути самостоятельности местных руководителей.

На четвертом заседании Пленума выступления приобрели более резкий и эмоциональный характер, поэтому председательствующий член Политбюро ЦК и председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов всё чаще стал торопить докладчиков, прося говорить покороче. Но критические замечания порождали определенную атмосферу, которая отчетливо проявилась в выступлении народного комиссара легкой промышленности СССР И.Е. Любимова [там же, л. 34–35 об.]. Ставка на количественные показатели, по его словам, приводила к производству бракованной продукции и гибели части собранного

урожая. Приведя пример хлопководства, Любимов подчеркнул: указания местных властей заготовителям принимать хлопок любой влажности для выполнения завышенного плана, спускаемого сверху, приводила к гибели значительной части собранного влажного хлопка и к оплате влажного хлопка по низким ценам. Образно Любимов охарактеризовал и состояние новых хлопковых заводов как «клоака» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 35], предусмотрительно оговорившись, что в 1936 г. картина на упомянутых заводах изменилась к лучшему.

В резолюции Пленума «О ходе уборки урожая и сельскохозяйственных закупках» [там же, л. 45–47 об.] прозаично звучали административные меры, а соответствующим народным комиссариатам предлагалось насытить машинами и простейшими механизмами колхозы и совхозы. Вместе с тем были учтены критические высказывания участников Пленума о состоянии сельского хозяйства страны: комбайны в 1936 г. признавались главной уборочной машиной только в южных и восточных областях СССР. В отдельную проблему выделялась тщательная подготовка комбайнеров. В распоряжение комбайнеров должен был выделяться комплект запасных частей. Оплата труда, по тексту резолюции, напрямую зависела от выработки комбайна.

Отдельный раздел резолюции «О заготовках сельскохозяйственных продуктов» требовал повсеместного строительства навесов для хранения собранного урожая и сушилок на хлопковых заводах, декларировал запрет приема хлопка с повышенной влажностью и т. п. Необходимость преодоления ставки на количественные показатели и преодоления доиндустриальных методов труда выходила в резолюции на первый план.

Нетрудно заметить: тональность первого заседания (проект Конституции) и последующих – резко отличается. Сталинский тезис о создании в СССР «механизированного, вооруженного новой техникой, сельского хозяйства в виде системы колхозов и совхозов» как одного из доказательств победы социализма в СССР и, как следствие, одной из основ для принятия новой Конституции социалистического государства не нашел подтверждения в выступлениях народных комиссаров и региональных лидеров. «Высокий» стиль проекта Конституции и реальная жизнь советской деревни находились явно в разных мирах. Мифологическая, схематизированная картина построения социалистического общества в СССР начала раздражать управленцев самых различных сфер.

Вопрос третий: «Текущие дела»

Вечернее заседание 3 июня 1936 г. в повестке дня было озаглавлено «Текущие дела». С докладом «О конверсии займов» выступил народный комиссар финансов СССР Г.Ф. Гринько [там же, л. 37–38 об.]. Достаточно прозаический вопрос – конверсия займов (замена старых займов на новые) – казался чисто техническим. Однако обращала на себя внимание ссылка Гринько на решение

Политбюро ЦК ВКП (б) от 29 апреля 1936 г., определившее порядок и содержание конверсии займов. На практике решения Политбюро касались особо важных вопросов всех сфер советского общества и государства. Анализ содержания этого доклада позволяет выделить ряд важных черт социальной-экономической жизни страны. Во-первых, определить масштаб привлечения внутренних займов у населения к 1 января 1936 г. – 14,6 млрд руб.¹ Во-вторых, очертить круг советских людей, охваченных подпиской на внутренние займы, – 50 млн человек. В-третьих, стремление к максимальному использованию этого финансового рычага было очевидно. Так, ссылаясь на постановление Политбюро, Гринько объявил об удвоении срока действия займов – с 10 до 20 лет, уменьшении процента выплаты по облигациям – с 8 до 4%. Обязательным становилось укрупнение самих облигаций: с 2–25 руб. до 50–500 руб. в целях «упорядочения управления и сокращения числа облигаций, участвующих в розыгрыше выигрышных номеров облигаций» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 37 об.].

Прозвучавшая в докладе задача конверсии займов – «удешевление стоимости для государства внутренних займов» [там же] – носила объективный характер. Но все перечисленные части намеченной конверсии свидетельствовали о том, за чей счет будет проведен этот вопрос. Характерная деталь: в ответ на заверения Гринько о том, что потери займодержателей будут компенсированы «удешевлением продукции и снижением цен» – прозвучала саркастическая реплика И.В. Сталина («кое-что все-таки потеряют»), вызвавшая, как сообщила стенограмма, «веселое оживление в зале» [там же, л. 38 об.]. Попытка управленца высокого ранга назвать черное белым, действительно выглядела смешно, даже если она исходила от многолетнего (с 1930 г.) «хранителя» финансов СССР – Гринько.

В докладе обращал на себя внимание факт сравнения использования займов в СССР и ряде европейских стран. В 1936 г. применение в Советском государстве товарно-денежных инструментов уже не вызывало обвинений в отступлении от марксизма. Однако народный комиссар не касался степени обязательности для граждан СССР подписки на займы. Как видно, 3 июня 1936 г. на Пленуме высокая нота демократических гарантий, декларировавшихся в тексте Конституции, соприкоснулась с прозой жизни. Проблемы «социалистического» государства по-прежнему во многом должны были решаться за счет разностороннего и обременительного налогообложения советских людей.

Вопрос, посвященный обмену партийных документов, оказался частью раздела «Текущие дела». В докладе Н.И. Ежова [там же, л. 39–43] прозвучала

1. Для сравнения заметим, что вариант Первого пятилетнего плана, утвержденный Пятым съездом советов СССР в мае 1929 г., предусматривал капиталовложения в промышленность в размере 16,4 млрд руб.

численность исключенных из партийных рядов – 200 тыс. коммунистов², вызвавшая реплику Сталина: «Очень много» [Пленум ЦК ВКП (б) ... 1936, л. 39].

Указав на наличие среди исключенных немалого числа бывших белогвардейцев, проходимцев и «разложившихся» партийцев, значительная часть из которых была арестована, Ежов, а затем и Сталин, говорили о необходимости бережного отношения ко всем коммунистам, в том числе и к подавшим апелляции, осуждали партийных работников, проявлявших безразличие к судьбе исключенных из партии. Ежов, оперативно реагируя на замечания Сталина, доложил об 11% уже восстановленных в партии коммунистах (т.е. о 22 тыс. человек).

Для усиления впечатления о заботе о судьбе каждого партийца, Сталин попросил у председательствующего слова и высказал ряд замечаний [там же, л. 42–44 об.]. Прозвучало требование «с пониманием относиться к членам партии, исключенным из ее рядов и подавшим апелляцию» [там же, л. 42]. Для облегчения решения этой проблемы Сталин предложил восстанавливать подавших апелляцию в статусе кандидата в члены партии [там же, л. 42 об.]. Еще одно предложение секретаря ЦК касалось исключения из партии пассивных коммунистов. Партийцев, относившихся к этой категории, признавших программу партии, но не усвоивших ее, по мнению Сталина, следовало оставлять в партии: одобрение генеральной линии ВКП (б) признавалось важнее усвоения и осмысления партийного курса.

Столь гуманные высказывания Н.И. Ежова и предложения Сталина можно было только приветствовать, если не знать о подготовке карательных органов к массовым репрессиям через полгода, уже в начале 1937 г.

Заключение

Пленум должен был показать способность тоталитарного политического режима укрепить сплоченность общества и отрегулировать в нужном направлении непростые отношения с партийными, хозяйственными и региональными элитами. И.В. Сталин твердо верил в силу слов, идей и воли в формировании реальности, в данном случае – в способность социалистической риторики структурировать новую социальную реальность – устойчивое представление о СССР, как о стране социализма.

В определенной степени Сталину это удалось: так, обзор центральных и региональных газет США, проведенный А.Н. Медушевским, свидетельствует: у ряда влиятельных представителей западной общественности возникли представления о либерализации политической системы в СССР [Ме-

2. Заметим, что это был в 1,5 раза заниженный показатель, факт, хорошо известный участникам Пленума [Жуков 2003, с. 275].

душевский 2016а, с. 124, 125]. Многочисленные документы подтверждают: советская молодежь с гордостью приняла текст Конституции 1936 г. Поддержка на Пленуме проекта Конституции должна была показать членам ЦК, советскому обществу и всему миру: в СССР действительно построено социалистическое общество.

Работа Пленума, однако, выявила глубокое расхождение оценок уровня развития советской экономики между большинством его участников и мифологической картиной построения социалистического общества в СССР, прозвучавшей в докладе Сталина. Участники работы Пленума не имели ничего против проекта Конституции как мощного пропагандистского документа, компонента «обрядового» и театрального характера презентации и потребления идеологии, но они понимали, насколько реалии тоталитарного режима в СССР середины 1930-х годов слабо коррелируют с демократическими принципами Конституции 1936 г.

Конституция 1936 г. теоретически продолжала и расширяла демократический потенциал советского законодательства предшествующего этапа, ее текстом гордились многие поколения советских людей. Однако в реальности она должна была стать ширмой Большого террора, завершив тем самым становление тоталитарного режима в стране. Основной закон СССР обеспечивал равенство всех граждан на покорное подчинение абсолютной власти правящей партии, при этом тоталитаризм, развивавшийся и функционировавший в условиях модернизации, требовал выдвижения и продвижения квалифицированных, образованных и инициативных специалистов. Одновременно устранялись управленцы, дававшие критическую оценку реальным социально-экономическим процессам. К этой категории И.В. Сталиным были отнесены члены ЦК, воссоздавшие в начале июня 1936 г. подлинную картину советского сельского хозяйства с невысоким уровнем механизации труда, огромными потерями собранного урожая и малой рентабельностью. Такие люди становились опасны и поэтому должны были быть устранены: уже в последующие месяцы последовал арест 70% членов и кандидатов в члены ЦК [О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б) ... 1989, с. 114]³.

Настроения, царившие на Пленуме, и оценки, данные его участниками, не были мнением подавляющего меньшинства. Как показало обсуждение избирательной реформы, прошедшее во второй половине 1936 г., взгляды и представления советских граждан оказались далеки от надежд советских лидеров. Неожиданным для властных структур стало проявление независимых позиций советских граждан по вопросам демократических свобод: свободы слова и совести, неприятие частью населения атеистической деятельности [Меду-

3. Были казнены практически все первые секретари ЦК коммунистических партий союзных республик, краевых и областных комитетов, работники среднего звена партийного аппарата, 35 тыс. офицеров среднего и высшего звена Красной Армии, а затем и физически устранены 5 тыс. офицеров Народного комиссариата внутренних дел [Хлевнюк 2016, с. 215, 219].

шевский 2016b, с. 94, 100]. Социальной группой, которая наиболее активно восприняла пропаганду проекта, приуроченную ко времени принятия Конституции, и повседневную, не ограниченную во времени и носящую мобилизационный характер, стало молодое поколение.

Таким образом, даже тщательная разработка пропагандистской кампании, проходившей под жестким контролем партии и карательных органов, – всесторонней акции, включавшей все этапы от формулировки проблемы и темы обсуждения до детального продумывания форм и ожидаемых результатов, показала ограниченность своего воздействия. Обсуждение избирательной реформы было обычной мобилизационной кампанией, тотальной и требующей всеобъемлющего участия. Наряду с этим в силу того, что общество оказалось далеким от идеальных представлений вождей, последовали широкомасштабные репрессии – довольно своеобразный итог «улучшения» политической системы.

При колоссальной роли самого Сталина, подчиненного Сталину аппарата ЦК ВКП (б) в руководстве партией и государством, приводным механизмом управления являлся ЦК партии и его Пленум. Внешняя декоративность Пленума ЦК как политического института не отменяла критического обсуждения положения тех сфер, за которые персонально отвечали члены и кандидаты в члены ЦК. Жизнь участников Пленума стала разменной монетой событий 1937 г., но это означало не демонтаж, созданной в СССР управленческой машины, а лишь ее наполнение новым содержанием. Каждое новое пополнение состава Пленума ЦК всё более становилось сталинским – как по убеждениям, так и по готовности выполнять его указания. Участие в работе Пленумов ЦК требовало от участников этих партийных форумов безусловного соблюдения идеологических предписаний, но обсуждение задач социально-экономического характера заставляло в той или иной степени обратиться к реальности, резко отличавшейся от мифологизированной схематизированной картины так называемых социалистической экономики и социалистического общества в СССР. Тем самым программировался конфликт утопических представлений о социализме в СССР и реалистических оценок действительности.

Пленум ЦК ВКП (б) 1–4 июня 1936 г. стал демонстрацией такого конфликта. Личная преданность Сталину участников Пленума не гарантировала безопасности: знание реальности в социально-экономической сфере превращалось в потенциальную угрозу декларированным конструкциям построенного в СССР социализма. Работа Пленума показала несовпадение риторики Сталина и участников Пленума по форме – возвышенному слогу вождя о достоинствах новой Конституции – была противопоставлена картина несовершенства в экономической и социальных сферах СССР. По сути, из отдельных критических фрагментов в выступлениях членов ЦК складывалась картина реальной жизни, не соответствовавшая параметрам социалистического общества. В этом случае венчавшая «социализм» в СССР Конституция 1936 г. обнаруживала свою декларативность.

Библиография

Великанова О.В. Конституция 1936 и массовая политическая культура сталинизма. Новое литературное обозрение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 351 с.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 225 с.

Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–26.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. 512 с.

Зеленов М.В., Фельдман М.А. Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1930 года: между политической риторикой и экономической катастрофой // Новейшая история России. 2025. Т. 15, № 2. С. 425–439. DOI: 10.21638/spbu24.2025.212.

Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-164-192.

Медушевский А.Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016а. № 3. С. 122–138.

Медушевский А.Н. Право и социальная мобилизация в тоталитарном обществе: «Всенародное обсуждение» Конституции СССР 1936 года // Общественные науки и современность. 2016б. № 4. С. 89–108.

О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82–113.

Пленум ЦК ВКП(б) 1–4 июня 1936 г. Стенографический отчет. 1936 // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1194.

Совет при Народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. М.: ОНТМ, 1936. 448 с.

Сорокин А.К. Сталин. История одного правления, 1917–1953: в 2-х книгах. Кн. 1. Мы наш, мы новый мир построим. 1917–1939. М.: РОССПЭН, 2023. 951 с.

Фельдман М.А. К вопросу о феномене Всесоюзных Совещаний хозяйственников в 1931–1936 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2024/25. М.: Институт российской истории РАН, 2025. С. 342–365.

Фельдман М.А. Осмысление партийно-хозяйственной элитой СССР итогов Первой пятилетки: путь к прозрению не бывает легким // Гуманитарные науки Сибири. 2021. Т. 28, № 3. С. 76–84.

Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: РОССПЭН, 2016. 480 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Davies P.W. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. London: MacMillan Press, 1996. XVIII, 612 p.

References

Davies P.W. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. London: MacMillan Press, 1996. XVIII, 612 p.

Feldman M.A. Osmyslenie partiyno-khozyaystvennoy elitoy SSSR itogov Pervoy pyatiletki: put' k prozreniyu ne byvaet legkim [Comprehension by the party and economic Aelite of the USSR of the results of the First five-year plan: the path to enlightenment is not easy]. Gumanitarnye nauki Sibiri [Humanities of Siberia]. 2021. Vol. 28, N 3. P. 76–84. (In Russ.)

Feldman M.A. K voprosu o fenomene Vsesoyuznykh Soveshchaniy khozyaystvennikov v 1931–1936 gg. [On the Phenomenon of the All-Union Conferences of Businessmen in 1931–1936]. *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2024/25* [Economic History: Yearbook. 2024/25]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2025. P. 342–365.

Khlevnyuk O.V. Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya [Stalin. The Life of a Leader]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 480 p. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. «General'naya chistka» gosapparata 1929–1932 godov kak proyavlenie krizisa legitimnosti partiynogo gosudarstva [“The General Purge” of the State Apparatus in 1929–1932 as a Manifestation of the Party State’s Legitimacy Crisis]. *ECO. 2020. N 8. P. 164–192.* (In Russ.)

Medushevsky A.N. Kak Stalinu udalos' obmanut' Zapad: prinyatie Konstitutsii 1936 goda s pozitsiy politicheskogo piara [How Stalin deceived the West: the adoption of 1936 Soviet constitution as political PR-action]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 2016. N 3. P. 122–138. (In Russ.)

Medushevsky A.N. Pravo i social'naya mobilizatsiya v totalitarnom obshchestve: «Vsenarodnoe obsuzhdenie» Konstitucii SSSR 1936 goda [Law and Social Mobilization in a Totalitarian Society: “Public Discussion” of the 1936 Constitution of the USSR]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2016. N 4. P. 89–108. (In Russ.)

O sud'be chlenov i kandidatov v chleny TsK VKP(b), izbrannogo XVII s'ezdom partii [On the Fate of Members and Candidates of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Elected by the Seventeenth Party Congress]. *Izvestiya TsK KPSS* [Izvestiya of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union]. 1989. N 12. P. 82–113. (Russ.)

Plenum TsK VKP(b) 1–4 iyunya 1936 g. Stenograficheskiy otchet. 1936 [Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on June 1–4, 1936. Verbatim Report. 1936]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Inv. 2. Case 1194. (In Russ.)

Sorokin A.K. Stalin. Istoriya odnogo pravleniya, 1917–1953: v 2-h knigakh [The History of One Rule, 1917–1953: in 2 volumes]. Vol. 1. My nash, my novyy mir postroim. 1917–1939 [We Are Ours, We Will Build a New World. 1917–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2023. 951 p.

Sovet pri Narodnom komissare tyazheloy promyshlennosti SSSR. Vtoroy plenum. 25–29 iyunya 1936 [Council under the People’s Commissar of Heavy Industry of the USSR. June 25–29, 1936. Second Plenum]. Moscow: ONTM, 1936. 448 p. (In Russ.)

Velikanova O.V. Konstitutsiya 1936 i massovaya politicheskaya kul'tura stalinizma [The constitution of 1936 and the mass political culture of Stalinism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 351 p. (In Russ.)

Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet State. 1900–1991]. Moscow: Progress, Progress-Akademiya, 1992. 480 p. (In Russ.)

Vert N. Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema [Terror and Disorder. Stalinism as a System]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 225 p. (In Russ.)

Zelenov M.V., Fel'dman M.A. Dekabr'skiy Plenum TsK VKP(b) 1930 goda: mezhdru politicheskoy ritorikoy i ekonomicheskoy katastrofoy [The December Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in 1930: Between Political Rhetoric and Economic Catastrophe]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2025. Vol. 15, N 2. P. 425–439. DOI: 10.21638/spbu24.2025.212. (In Russ.)

Zhukov Yu.N. Repressii i Konstitutsiya SSSR 1936 goda [Repressions and the 1936 Constitution of the USSR]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2002. N 1. P. 3–26. (In Russ.)

Zhukov Yu.N. Inoy Stalin [The Other Stalin]. Moscow: Vagrius, 2003. 512 p. (In Russ.)